

В. И. ВОРОТНИКОВ

Никита Сергеевич Хрущев

Никита Сергеевич Хрущев, как политический и общественный деятель по-разному оценивается людьми в наше время.

Мне, на основе фактов, событий, личных встреч и наблюдений представилась возможность составить своё видение этой личности.

После кончины И. В. Сталина 5 марта 1953 года обстановка в стране, настроения людей были сложными и противоречивыми. Общественное мнение будоражилось разными слухами, тревожными ожиданиями из-за неопределенности того как будут идти дела без Сталина. Хотя организационные вопросы высшего руководства партией и страной были решены, но эти решения оказались нестабильными. На следующий день после кончины И. В. Сталина, 6-го марта на совместном заседании ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР был избран новый, сокращенный до 10 человек, состав Президиума ЦК КПСС. Г. М. Маленков утвержден Председателем Совета Министров СССР и освобожден от обязанностей секретаря ЦК. Н. С. Хрущев освобождается с поста секретаря МГК КПСС и сосредотачивается на работе секретаря ЦК.

С этого периода он занимал всё большую роль в «коллективном» руководстве. На сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК его избрали 1-м секретарем ЦК КПСС. Он же выступал с докладом по основному вопросу — «О положении в сельском хозяйстве страны».

Выступления Н. С. Хрущева на этом и последующих Пленумах, принятые на них решения, частые поездки по стране, встречи и беседы на разные темы с народом, прямые, открытые высказывания, призывы к активной борьбе с бюрократизмом, волокитой, громкие заявления о неиспользуемых возможностях в промышленности и сельском хозяйстве, других сферах, и обещания принять действенные меры для улучшения жизни народа, конечно, производили положительное впечатление на людей.

И на первых порах его слова, действия, манера поведения: простота, демократичность, открытость, грубоватая прямолинейность находили поддержку у народа.

Решения XX съезда партии, критика культа личности Сталина и его роли в руководстве страной обрушились на советских людей внезапно. Отношение народа к этой акции Хрущева было неоднозначно. Кто восхищался его смелостью, кто возмущался, зачем, мол, выносить сор из избы.

Нужно было время, чтобы осмыслить происшедшее, понять и объективно оценить и то хорошее, что было проделано в СССР И. В. Сталиным, и то противоправное, — всю тяжесть и трагизм содеянного им и его окружением.

Следует сказать, что период второй половины 50-х годов был характерен значительным повышением общественно-политической активности коммунистов и большинства народа. На партийных и рабочих собраниях, заседаниях парткома шли бурные дебаты по острым, наболевшим вопросам жизни в стране, нерешаемым проблемам конкретных городов. Выявились штатные «разоблачители» недостатков и просчетов в руководстве. Собрания иногда затягивались за полночь. Всё это было непривычно, честно скажу, и не всегда приятно, но захватывающе, возбуждало и приносило до поры определенное удовлетворение.

Одновременно, проводимые Хрущевым организационные перемены в промышленности, в сельском хозяйстве, а затем в партийных и государственных структурах, бесцеремонные публичные разносы, широкие обещалки жесты и т. п., стали вызывать у людей настороженность, осуждение. Нельзя же, буквально сходу, резко ломать сложившуюся десятилетиями организационную структуру управления экономикой, перекраивать партию, да и вообще, негоже лидеру великой страны так упрощенно вести себя.

Непонятна была и причина разгона летом 1957 года «антипартийной группы» — Маленкова, Молотова, Кагановича и других известных деятелей из высшего руководства страны, уважаемых широкой массой народа. Верный своей манере «опоры на народ», Хрущев решил вынести обсуждение этой политической акции в массы трудящихся. Из ЦК были даны указания — обсудить итоги июньского Пленума на партсобраниях в первичных организациях, а также на общих собраниях или митингах в коллективах и принять решения в поддержку линии Хрущева.

Что из этого вышло на практике, как инициатива Хрущева повлияла на общее настроение в низовых партийных организациях, в трудовых коллективах можно проследить на примере авиационного завода и города Куйбышева.

В конце 1955 г. с поста начальника механосборочного цеха я был избран секретарем парткома Куйбышевского авиационного завода. Затем Секретариат ЦК утвердил меня парторгом ЦК на заводе¹. Тогда меня увлекала инженерная стезя. Предложение перейти на партийную работу было неожиданным, и, как мне казалось, нелогичным. Я пытался объяснить причину отказа, но доводы мои не возымели успеха. Но, раз поручили, если взялся, значит надо работать. И я с интересом вникал в управленческую деятельность. Освоение новой работы проходило медленно и болезненно. Увереннее я чувствовал себя, когда на заседаниях обсуждались производственные проблемы. Кстати, именно они доминировали в деятельности парткома. Значительно сложнее осваивались методы организационно-партийной работы. Здесь уже годами сложились определенные стереотипы, писанные и неписанные правила. На первых порах меня многое ставило в тупик, удивляло и даже возмущало своим консерватизмом и начетничеством.

Надо сказать, что в обкоме партии с большим вниманием и уважением относились к парторгам ЦК, которые были лишь на крупных оборонных заводах. Например, в нашей области их насчитывалось восемь человек. Нас регулярно приглашали в отдел оборонной промышленности ЦК, в обком партии на различные совещания, целевые семинары, советовались по важным, принципиальным вопросам, снабжали доверительной информацией.

Период начала моей партийной работы был сложным, насыщенным крупными событиями. Решения, состоявшегося в феврале 1956 г. XX-го съезда КПСС, доклад на нем Н. С. Хрущева, материалы съезда полностью не публиковались. Все, что происходило на съезде, обрастало противоречивыми слухами. В заводской среде, наряду с возмущением противоправными действиями Сталина и его соратников, росло и недоверие к используемым методам борьбы с культом его личности. Говорили также: «А где же был сам Никита? Почему молчал, ничего не предпринимал? А вот сейчас вслед покойному поднял волну возмущения действиями Сталина».

Серьезно беспокоило людей начавшееся ухудшение наших отношений с Китаем, другими соцстранами. Высказывались сомнения в том, надо ли было так сразу вываливать на общество весь воз проблем, без должной подготовки, без необходимого фактического обоснования, в частности, выдвинутых в адрес Сталина обвинений.

В июне 1957 года состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором была разоблачена «антипартийная группа Маленкова, Молотова, Кагановича...» По возвращении из Москвы, после Пленума, 1-го или 2-го июля, первый секретарь Куйбышевского обкома партии М. Т. Ефремов собрал в обкоме совещание. На нем присутство-

вали члены бюро обкома, секретари горкомов партии, райкомов г. Куйбышева и секретари парткомов некоторых крупных заводов города, всего человек сорок. М. Т. Ефремов проинформировал нас о том, что происходило в эти дни в Москве. Тогда еще никаких материалов Пленума на местах не было.

«Начиная с 18 июня, в Кремле непрерывно шло заседание Президиума ЦК КПСС. Просочились сведения о серьезных разногласиях в руководстве. Некоторых членов Президиума ЦК не было в Москве. Их срочно вызвали, и 19 июня собрались все.

В то время в Москве находилось несколько первых секретарей обкомов партии — членов ЦК. Им стало известно, что на Президиуме речь идет об организации блока против Н. С. Хрущева. Противостоящую группу возглавили Маленков, Молотов, Каганович. Эта группа обвиняла Хрущева в том, что он ведет себя неправильно, носится по стране, набивает себе цену. Приписали ему правоуклонистские действия. В ущерб промышленности де, направляет материальные и финансовые ресурсы в сельское хозяйство. Неправомерно поспешно взялся за освоение целинных земель. Затекает реорганизацию промышленности, разваливая отрасли. Панибратствует с некоторыми деятелями капиталистических стран.

Н. С. Хрущев защищался, стал обосновывать на Президиуме свои действия, опираясь на реальности жизни. К группе примкнули: Булганин, Шепилов, Сабуров, Первухин и, отчасти, Ворошилов. В поддержку Хрущева выступили: Микоян, Брежнев, Жуков, затем, прибывшие в Москву Суслов, а также Кириленко, Аристов, Беляев. Заседание Президиума затягивалось. Тогда ряд находившихся в Москве членов ЦК обратился в Президиум с требованием о встрече. Их принял К. Е. Ворошилов. Данными им объяснениями товарищи не были удовлетворены. 20 июня, — сказал М. Т. Ефремов, — я получил сигнал немедленно выехать в Москву. 21-го в Москве собралась уже большая группа членов ЦК, намереваясь там обсудить все вопросы».

Так я записал тогда на совещании у М. Т. Ефремова его слова: «22-го июня начал работу внеочередной Пленум ЦК. Он продолжался до 29-го числа. Обсуждение ситуации было жаркое. Выступило более 60 человек. Решили: вывести из членов Президиума и из состава ЦК — Молотова, Кагановича, Маленкова и Шепилова. Объявили строгий выговор Сабурову, члена ЦК Первухина перевели в кандидаты. Проведены изменения в составе Президиума ЦК. Итог был таков — антипартийная группа разгромлена. Попытки возратить страну на "Сталинские рельсы" провалилась».

Нашу задачу М. Т. Ефремов определил так, что необходимо провести собрания в первичных парторганизациях и широко

развернуть разъяснительную работу среди населения, всемерно поддерживать решения июньского (1957 г.) Пленума ЦК.

Газеты дали материалы Пленума традиционно: общие громкие слова, пафос обличения антипартийной группы, почти без конкретных фактов, подтверждающих их вину. На предприятиях читали газеты, слушали агитаторов, спорили и, не понимая многого, воспринимали принятые решения, мягко говоря, неоднозначно, а то и просто негативно. Всех волновал вопрос, почему приняты такие суровые меры по отношению к видным, авторитетным в народе людям? Такая реакция была не только в Куйбышеве, но, как стало известно позже, и в других районах страны. Таким образом, постановление ЦК оценивалось критически. Тогда, видимо, и было принято решение организовать широкую, массовую поддержку народом линии Н. С. Хрущева, для чего повсеместно провести собрания в коллективах, митинги и на них принять резолюции, гласно одобряющие линию ЦК.

Нас опять вызвали в обком и поставили задачу — как можно скорее провести общезаводские митинги и на них одобрить материалы Пленума. Причем, говорил М. Т. Ефремов, надо начать с наиболее крупных, ведущих заводов города. Назывались и сроки: завтра, послезавтра. Что, мол, тянуть, и так все ясно. Мы, секретари парткомов, стали возражать — зачем такая гонка. Надо подготовиться. Настроение у людей сложное, доказательных материалов, подтверждающих вину членов антипартийной группы, в печати нет. Основываясь на такой скудной информации о Пленуме, проводить митинги непросто. В газетах много громких фраз, уничижительных обвинений, а фактов почти нет. В таком духе выступил и я. Мои сомнения раззадорили первого секретаря Куйбышевского горкома партии Н. В. Банникова. Человек крутой, эмоциональный, неплохой оратор, он выступил резко против моих опасений. Обвинив меня в перестраховке, сказал, что сам поедет на завод № 18 и поможет мне провести послезавтра митинг. Что мне оставалось? Так и решили, начать с завода № 18, а через день — на заводе № 24, потом на заводе № 1 и дальше. Это совещание состоялось в обкоме партии 8-го или 9-го июля.

Сделаю небольшое отступление, расскажу о предшествующих митингу событиях, имеющих к нему прямое отношение.

В середине июня 1955 года стало известно, что в Куйбышев должен приехать В. М. Молотов. Это было неожиданно. Раньше высшие руководители редко ездили по стране, тем более Молотов, который если и покидал Москву, то в связи с зарубежными поездками. Обком партии включил в объекты посещения высоким гостем и наш завод. А на заводе решили ему показать цех автоматов, цех

окончательной сборки самолетов и наш, как изготавливающий наиболее сложные и ответственные детали и узлы машины. Мне поручили разработать программу показа, маршрут осмотра, навести чистоту, порядок и т. д. Я старался вовсю. Директор А. А. Белянский с парторгом и сопровождающими дотошно осмотрел цех, сделал небольшие уточнения и остался доволен. Сказал, что объяснения по ходу осмотра будет давать начальник цеха.

Встречали В. М. Молотова на заводе восторженно, люди смели все ограждения, шумно приветствовали его, как одного из соратников Ленина и Сталина. За ним по заводу двигалась толпа народа. Все были в восторге от его простоты, доступности — пожал испачканную машинным маслом руку работнице в автоматном цехе, с интересом слушал объяснения слесаря Володи Бермана в монтажной мастерской нашего цеха, интересовался жильем у мастера в сборочном цехе, спросил о зарботке, состоянии снабжения в городе... Все это было необычно и ново для нас. Молотову понравился наш цех, а также и весь завод, его люди, и продукция — первоклассные, нужные стране самолеты Ту-95. Вообще разговоров потом о деталях встречи В. М. Молотова на заводе хватило надолго. Я об этом пишу потому, что на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК Н. С. Хрущев, развенчивая деятельность «антипартийной группы», обвинял их в том, что они сидят в Москве, не знают жизни народа и т. п. Так вот, когда этот тезис стал приводить у нас на общезаводском митинге, посвященном итогам Пленума, секретарь Куйбышевского горкома КПСС Н. В. Банников, то его слова вызвали ропот: «Это неправда! В позапрошлом году В. М. Молотов был на нашем заводе. Мы не верим Хрущеву!»

Теперь о заводском митинге. Он был назначен на 11-е число, подготовили порядок ведения, побеседовали с активом. С трудом набрал я фактов из печати для своего выступления. Проводили митинг на центральной заводской площади, в пересменок — в 17 часов. Народу собралось небывало много, тысяч десять — двенадцать.

Открыл митинг и. о. председателя завкома профсоюза Н. И. Дзюбан. И предоставил слово мне. Я рассказал о Пленуме ЦК, основываясь на газетных материалах, что антипартийная группа выступила фракционными методами, добивалась смены руководства, противодействовала новым мероприятиям в области внешней политики, сопротивлялась расширению прав союзных республик, пыталась сорвать реорганизацию управления промышленностью, мешала проведению мер в области сельского хозяйства, что члены этой группы оторвались от жизни, утратили связь с народом и т. п. Но в обоснование этих обвинений нужными

фактами я не располагал и привести их не мог. Далее информировал о принятых на Пленуме решениях. Сказал, что прошедшие в цехах партийные собрания одобрили эти решения, и выразил надежду, что и наш митинг поддержит меры ЦК.

Затем выступили: Сухоруков — лудильщик; Рыков — летчик-испытатель, Герой Советского Союза; Свиридова — клепальщица; Ельшин — директор завода; Забродин — слесарь. Все выступления носили, я бы сказал, в меру рассудительный характер, оправдывающий действия ЦК. Что в стране развиваются новые веяния, а старые, безусловно заслуженные деятели в руководстве, к сожалению, не всегда воспринимают это новое. Вот их немного и подправили.

Взял слово Н. В. Банников (он, кстати, никакого участия в подготовке митинга не принимал, а приехал на завод за несколько минут до начала). Его речь была резкой, обличительной, запугивающей. Изобиловала оскорбительными выпадами в адрес «фракционеров». Она возбудила народ. Стали раздаваться реплики, неодобрительные возгласы. Уловив настроение, Дзюбан, подводя итог выступлениям, не реагируя на голоса, предложил принять резолюцию митинга и сам зачитал её. Спросил, какие будут предложения? Несколько человек из первых рядов подняли руки, направились к трибуне. Дзюбан повернулся ко мне с вопросом: «Что делать?» Я, конечно, ответил: «Что!? Давай слово.» И пошли выступления.

Говорили не по бумажке, экспромтом, взволнованно и остро. Соглашаясь, вроде бы, с недопустимостью фракционной борьбы в руководстве, с опасностью раскола в партии и т. п. выступавшие спрашивали, где факты, подтверждающие вину членов «антипартийной группы». Если даже они и повинны, то решения Пленума ЦК недопустимо суровы. Эти товарищи стояли у истоков революционной борьбы и много сделали для защиты завоеваний Октября. Нельзя так огульно и недоказательно обвинять их, надо разобраться, не пороть горячку. Спрашивали: «В чем выражалось их противодействие линии партии? Не ясно. Что значит "оторвались от народа?"» В. М. Молотов, например, в позапрошлом году был в Куйбышеве, посетил ряд предприятий, в том числе и наш завод. Тепло беседовал с рабочими, интересовался их проблемами. А вот директор завода работает уже два года, а в нашем цехе ещё не был». И пошла критика заводских недостатков, проблем района и города. Кое-кто из ораторов пытался защитить позиции Н. С. Хрущева, но им не дали говорить, перебивали недовольными выкриками.

Стали требовать объяснений от М. А. Ельшина и Н. В. Банникова. Они выступили. Ельшин — с миротворческих позиций,

признавая свои недоработки. Банников же стал «нажимать» на патриотические чувства, стыдить людей. Это ещё больше разожгло страсти. Попытки пожилых рабочих, ветеранов образумить разгоряченную молодежь натолкнулись на неприязнь. Возникли споры в рядах участников митинга, стали «качать права» друг перед другом. Шло время, а митинг затягивался. Часть рабочих второй смены начали покидать площадь. Надо было искать выход.

Я взял микрофон у очередного оратора и внес предложение, что раз возникло много вопросов, как по сути, так и по заводским и городским проблемам, которые требуют обстоятельного разъяснения, чтобы не превращать митинг в базар, не тратить рабочее время есть смысл обсудить весь комплекс вопросов на цеховых собраниях, с участием руководства завода, района и города. А сейчас митинг прервать, никакого решения пока не принимать. Сделать вывод по итогам цеховых собраний. Народ загудел, кто за, кто против. Дзюбан в микрофон крикнул: «Согласны? Ну, договорились!» Кто-то ещё рвался к микрофону, но его отключили. Собственно, митинг был сорван.

Основная масса людей расходилась, но дискуссии у трибуны ещё долго продолжались. Мы объясняли, разубеждали, отвечали на вопросы, стараясь успокоить наиболее азартных спорщиков. Речь шла, в основном, не о решении ЦК об антипартийной группе, а о насущных житейских проблемах: о жилье, дороговизне, плохой работе транспорта, о жуликах в торговле, о неправильном отношении городских властей к проблемам Безымянки и т. п. Постепенно толпа у памятника М. Б. Шенкману таяла, люди расходились. Пошли в партком и мы с М. А. Ельшиным и Н. В. Банниковым.

Зашли в мой кабинет. Настроение у всех скверное — митинг провалили. Н. В. Банников позвонил в обком партии М. Т. Ефремову, коротко информировал его о случившемся на заводе. Упрекнул нас: «Не ожидал, что на заводе столько демагогов. Надо было организовать выступления более активных коммунистов», и уехал.

Я был в подавленном состоянии. Хотя и понимал, что оказался прав, отстаивая необходимость отложить митинг, не торопиться, лучше подготовиться. Однако, самокритично оценивая свои недостатки: отсутствие ораторского мастерства, определенную стеснительность в выступлении перед такой массой людей, малый опыт партийного организатора и т. д., я считал себя виновником провала. В то же время меня не покидало сомнение в правильности, обоснованности принятого ЦК решения об антипартийной группе. Я, как и ряд товарищей, выступавших на митинге, считал слишком суровыми выводы, сделанные по отношению к Молотову и Маленкову. Переживал случившееся и Ельшин: «Ну, завтра

Ефремов воздаст нам, на всю катушку. Он использует это как урок для остальных». Я ответил: «Не знаю как для остальных, а для меня действительно урок — не садись не в свои сани». Вскоре он ушел, а я стал намечать план проведения цеховых собраний об итогах Пленума ЦК.

На другой день нас с М. А. Ельшиным вызвали на заседание бюро обкома партии. М. Т. Ефремов коротко доложил о митинге на заводе № 18. Затем с подробной информацией выступил Н. В. Банников, дали слово мне и директору завода. Мы не самобичевали, но и не сглаживали своей ответственности за срыв митинга. К великому нашему удивлению, не то что разноса, но и резкой критики не было. М. Т. Ефремов пожурил нас немного, а в большей мере посочувствовал, сказав: «Не переживайте, ничего страшного не произошло. Я доложил в ЦК, вы не единственные в стране. Такая реакция народа объяснима. Авторитет старых лидеров партии живет в сознании людей. Отказаться от этого нелегко. Надо спокойно и доказательно объяснить людям правильность линии нынешнего руководства партии. Да и о внутренних проблемах, которых у нас немало, поговорить следует. Видимо, бюро обкома переоценило ситуацию, пойдя скоропалительно на такие массовые акции».

Затем речь пошла о подготовке и проведении цеховых собраний на нашем заводе и других предприятиях. От проведения митингов отказались. Решили, что у нас на собраниях примут участие секретари и члены бюро обкома и Куйбышевского горкома партии. Эти собрания надо провести не торопясь, примерно, за две недели. Так завершилось это заседание.

Хотя нас с директором принятые решения несколько успокоили, но происшедшее продолжало тревожить меня. Этот факт подтверждал сомнения: за свое ли дело я взялся, на партийной ли стезе следует мне трудиться? В дальнейшем сомнения нарастали, и в 1959 году я не без труда убедил руководство Куйбышевского обкома, и мне разрешили перевод с партийной на инженерную работу. В мае этого года приказом по Куйбышевскому Совнархозу я был назначен начальником Отдела технического контроля — Главным контролером качества продукции завода. И с интересом включился в работу. Но моя деятельность на этом посту продолжалась недолго. Уже в начале 1960 года на областной партконференции меня утвердили, несмотря на мои возражения, заведующим промышленным Отделом обкома партии.

Этот 1957-й год был пиком активности Н. С. Хрущева, его организационные новации не знали границ. За год проведено пять Пленумов ЦК², принят ряд принципиальных решений ЦК КПСС.

Январь. Решение ЦК КПСС «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связи с массами».

Февраль. Пленум ЦК «О перестройке управления промышленностью и строительством». Созданы совнархозы, ликвидирован ряд министерств.

Июнь. Пленум ЦК «Об антипартийной группе Молотова, Маленкова, Кагановича и других».

Октябрь. Пленум ЦК «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте». (Отставка Г. К. Жукова).

Декабрь. Пленум ЦК «О возрастании роли профсоюзов в коммунистическом строительстве». И некоторые другие решения.

Особого внимания заслуживает октябрьский (1957 г.) Пленум ЦК, на котором был буквально разгромлен министр обороны, виднейший полководец Великой Отечественной войны, Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Кстати, поддержавший позицию Н. С. Хрущева на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК. А через четыре месяца, выждав время, Никита Сергеевич нашел форму, чтобы избавиться от Г. К. Жукова, — популярного в народе, строптивого, знавшего истинную цену Н. С. Хрущеву, — бывшему члену Военного Совета Юго-Западного фронта.

Пленум ЦК КПСС проходил 28, 29 октября 1957 г. На нем было определено — немедленно довести решение до партийного актива и всех коммунистов. Явно Н. С. Хрущев опасался непредсказуемой реакции на отставку народного любимца — Г. К. Жукова.

Возвратившись 30-го октября из Москвы, первый секретарь обкома партии М. Т. Ефремов на заседании бюро Куйбышевского обкома партии доложил кратко о Пленуме ЦК и предложил уже 2-го ноября провести собрание областного партийного актива по итогам октябрьского Пленума ЦК КПСС.

Такое собрание было создано.

С докладом выступил М. Т. Ефремов.

Вот несколько сокращенный конспект моей записи выступления М. Т. Ефремова, изложившего доклад М. А. Суслова на Пленуме. (Думаю, он будет интересен читателю).

М. Т. Ефремов: «Центральным Комитетом партии вскрыты серьезные недостатки и извращения, допущенные руководством Министерства обороны со стороны Г. К. Жукова. Нарушались ленинские нормы, вел линию на отрыв армии от партии, уходя из-под контроля ЦК, ликвидация политических органов в армии. Дело не в ошибках, а в системе, в тенденции. Рассматривал Вооруженные силы как вотчину.

Примеры. Есть Совет обороны, в нем создан Военный Совет. Этот Совет ни разу не собирался. Жуков внес предложение

ликвидировать Военный Совет. Президиум ЦК не принял его. Второе предложение — о пересмотре функций военных Советов по округам, превратив их в совещательные органы при командующих (секретари обкомов не имели бы тогда голоса). Хотя Совет не умаляет роли командующего, а наоборот — убеждает в правильности решений.

Жуков неправильно воспитывает кадры по отношению к ЦК и партии. В ГДР военные части не участвовали во встречах партийно-правительственных делегаций. Гречко он так и сказал: "Нечего вам там делать". Гречко и начальник политотдела получили разнос от Жукова за отчет по июньскому (1957 г.) Пленуму ЦК. Если офицер Советской Армии обращался в ЦК, то их притесняли и даже исключали из партии (приводились фамилии). Этим нарушался Устав КПСС.

Линия на отрыв армии от партии направлена на ослабление партийно-политической работы. В некоторых частях ликвидированы политорганы. Ущемлялось служебное, материальное и другие положения парторганов. В ряде инструкций, приказов отрицалась руководящая роль политорганов. Приказ 0090 — дает оценку работы коммунистов, тем самым присваивает себе функции ЦК, в нем на единоначальника возлагается руководство политорганами и парторганизацией. Критика командира на партсобрании пресекается, а виновных наказывать³. Этот приказ был выпущен без ведома ЦК.

Отдельные военачальники стали подражать своему министру. Так, Лучинский — Туркестан — до возвращения из отпуска запретил проводить какие-либо собрания. Нарушалась связь с местными партийными органами.

В МО укоренилась практика огульного избиения кадров (без рассмотрения и т. д.). Снять, выгнать, содрать лампасы. По Д-В. округу за последний месяц наказано 123 офицера, кроме основных виновников. В Приволжском округе офицеров Кузнецова, Сорокина судили, снимали с постов. Такой пример: невеста солдата вышла замуж, и он покончил самоубийством. Командующему дали выговор, командира полка — снять, заместителя — выгнать из армии (он тоже застрелился). Ненужная жестокость. Таких примеров много. Вышестоящий может применить оружие. Один адмирал возмутился тем, что в соседней квартире появился матрос с девушкой. Он не удалился по его требованию, и тогда матроса стал травить собакой. Матрос ушел, но адмирал догнал его и убил. Жуков уволил его в запас и установил пенсию, и всё!?

Героизм наших войск держится не на палочной дисциплине, а благодаря своей сознательности, убежденности, воспитанной партией.

В армии стал насаждаться культ личности. Жукова стали превозносить и возвеличивать в печати, кино и т. д. Кинофильм "Сталинград — Великая битва" из культа Сталина сделали культ Жукова (дали эпизод фильма о событиях под Москвой и в Берлине?!)⁴.

Войну выиграли не 2–3 человека, а это Победа всего народа, победа нашего общественного строя, победа Вооруженных Сил, организатором которых явилась партия.

Редакция БСЭ поместила статью о Великой Отечественной войне, в которой идет речь о МО, роль Жукова возвеличена. Он поручил купить картину (10х6 м) для музея Советской Армии, где на фоне Берлина — вздыбленный белый конь топчет фашистские знамена, а на коне Г. К. Жуков! Новый Георгий Победоносец!

Мы его глубоко ценим и знаем его заслуги, но эта картина обижает нас. Жуков явно утратил скромность. В его действиях тенденция к власти: предлагал заменить в КГБ и МВД ряд работников своими людьми, таким образом взять эти органы под контроль. В группе войск в Венгрии хотел заменить Казакова, — ЦК не согласился. Жуков усмотрел здесь потерю престижа. Он стал претендовать на особую роль, утратил партийную скромность. В Белоруссии он заявил, что вместе с группой Кагановича, Маленкова он может обратиться к армии и народу, и его поддержат. (То есть обращение помимо партии и ЦК).

Всё это говорит о том, что Г. К. Жуков не оправдал доверия партии и ЦК. Пленум ЦК 17 октября с. г. решил: освободить Г. К. Жукова от работы, с поста министра обороны, поручил Секретариату ЦК предоставить ему другую работу, вывел Жукова из состава Президиума и ЦК. От имени Пленума решено обратиться с письмом к партийным организациям. Президиум ЦК 17 октября с. г. принял постановление по усилению партийно-политической работы в армии. На активах в областях и краях Союза обсуждалось это постановление, — везде оно одобрено».

Затем М. Т. Ефремов рассказал о некоторых деталях.

С его слов, некоторые военачальники, в частности С. С. Бирюзов, позволили себе грубые, оскорбительные выпады в адрес Г. К. Жукова.

Маршалы Советского Союза: В. Д. Соколовский, С. К. Тимошенко, И. С. Конев, А. И. Еременко, В. И. Чуйков, К. К. Рокоссовский, Адмирал Флота С. Г. Горшков говорили, что Жуков действовал методом диктата, подмял КГБ и МВД. Влиял на работу МИДа. Критиковали за то, что до сего времени у армии нет Устава, затянута выход Постановления по современному бою.

М. Т. Ефремов подчеркнул, что никто из выступавших не защитил Жукова.

Выступил и Г. К. Жуков: «Пленум для меня большая школа. Я осознал всю глубину политических ошибок. Критика — товарищеская, это помощь мне. Даю слово исправиться».

Выступал ли, и что говорил Хрущев? У меня записи нет. Может, Ефремов не говорил об этом? Если б говорил, то я обязательно бы записал⁵.

Общая реакция Пленума известна. Но у многих из нас, слушавших сообщение М. Т. Ефремова о Пленуме, существо и форма принятого Пленумом решения, вызывали недоумение. Складывалось впечатление, что атака на Г. К. Жукова была заранее тщательно подготовлена и разыграна Н. С. Хрущевым. Некоторые факты, обвинения в докладе М. А. Суслова были мелкими, недостаточно обоснованными, поданными нарочито критично. Не совсем оправданными были и огульные, грубые и оскорбительные выступления бывших боевых соратников Г. К. Жукова, а также реплики из зала, о чем также говорил нам М. Т. Ефремов. Удручало и принятое в скоропалительном порядке решение об отставке Г. К. Жукова. В кулуарных разговорах после заседания, мы выражали беспокойство возможной негативной реакцией на это решение в армейских частях. Что в дальнейшем и подтвердилось.

Продолжу рассказ о Н. С. Хрущеве.

О приезде Н. С. Хрущева в августе 1958 года в Куйбышев

О том, что на официальное открытие введенной в эксплуатацию первой в стране гидроэлектростанции Волжского каскада у Жигулевских гор — Куйбышевской ГЭС прибудет высокая партийно-правительственная делегация во главе с Н. С. Хрущевым, нам стало известно заранее. М. Т. Ефремов провел в обкоме партии совещание с узким активом городов: Куйбышева, Ставрополя и Новокуйбышевска, предприятия которых были намечены для посещения высокими гостями. Тема обычная: программа и маршрут осмотра, кто и где встречает и сопровождает делегацию, что показывать, о сувенирах для гостей, уборке территории и обеспечении порядка на пути следования и т. д. В общем почти месяц мы «мыли шею».

В середине августа визит состоялся. Вместе с Н. С. Хрущевым прибыли члены Президиума ЦК: М. А. Суслов, Л. И. Брежнев, А. Б. Аристов, Д. С. Полянский, главный редактор «Правды» П. А. Сатюков, заместители председателя Совмина СССР А. Ф. Засядько и И. И. Кузьмин.

В первый же день они побывали на Куйбышевской ГЭС, там состоялся грандиозный митинг. На нем Н. С. Хрущев, поздравив гидростроителей с большим успехом — завершением строительства и пуском на полную мощность крупнейшей в стране ГЭС,

не преминул подбросить «ежа», выразив сомнение в преимуществе гидроэлектростанций перед тепловыми (ТЭЦ), чем поверг слушателей в шок. Эта тема остро дискутировалась на состоявшемся там вечером банкете. Ученые-энергетики, говорят, устроили Н. С. Хрущеву обструкцию.

Но это было лишь началом. На другой день гости посетили завод «Синтетического спирта» в Новокуйбышевске. Потом рассказывали, что Н. С. Хрущев усомнился в словах директора завода М. И. Федотовой, что одна из новых установок вырабатывает синтетический спирт по характеристикам на уровне пищевого. Разговор шел в комнате оператора после осмотра установки. Указывая на стоявший на столе графин со спиртом, Н. С. Хрущев спросил: «Так, что его можно пить?» Федотова ответила: «Можно». Н. С. Хрущев: «Давайте продегустируем». Под рукой не оказалось стакана. Налили ему в крышку от графина. Он выпил и, чуть не задохнувшись, багрово покраснев, сказал: «Похоже, Вы правы». Никто больше его примеру не последовал. Об этом факте неодобрительная молва разнеслась по городу.

Из Новокуйбышевска группа прибыла на наш завод. Мы с директором М. А. Ельшиным, по распорядку, встречали машины с гостями у проходной. Однако машины, чуть притормозив, продолжали двигаться, и мы на ходу вскочили на подножки ЗИЛов и так ехали по территории завода. Заводской народ высыпал на главную аллею, по которой двигались машины, криками и цветами приветствуя Никиту Сергеевича. У корпуса агрегатных цехов остановились. Н. С. Хрущев вышел из машины, толпу охрана умело оттеснила, и мы пошли по цехам. (Суслова, Брежнева и Полянского с ним не было). Прошли два цеха, по ходу главный инженер завода Б. М. Данилов давал пояснения, что и как изготавливается. Гости особого интереса к делам завода не проявляли.

Вошли в сборочный цех, только отстроенный, нашу гордость, со 100-метровым пролетом, мощными кранами. Об этом директор стал рассказывать Хрущеву. Тому не понравилось увиденное, и он стал, показывая на металлические фермы корпуса, критиковать: «Почему фермы не железобетонные? Вы что, не знаете нашей политики в строительстве?» Этот окрик сбил Ельшина с толку. На помощь пришел А. Ф. Засядько и в грубоватой форме заявил, что на 100 метров пролета железобетонных ферм ещё нет в практике. Что фермы не только держат перекрытие, но несут многотонную нагрузку подъемных кранов, и если даже фермы сделать железобетонными, то на арматуру уйдет вдвое больше металла. Но Хрущев не воспринял эти доводы и продолжал что-то бурчать себе под нос.

Затем мы поднялись в салон первого широкофюзеляжного пассажирского самолета ТУ-114. Уселись в кресла, немного поговорили о делах завода, но, памятуя установку М. Т. Ефремова, никаких просьб не высказывали. Здесь Н. С. Хрущев немного отошел, машина ему понравилась. Выйдя из самолета, он сказал окружившим его рабочим несколько общих фраз, с похвалой отозвался о выполняемой ими работе, отметил хорошую политическую обстановку в стране. Ему вручили модель самолета ТУ-114, он расписался в книге почетных гостей, помахал окружающим рукой, и вся группа направилась из цеха к воротам на ЛИС, где их уже ожидали машины. Мы попрощались, и вереница машин уехала.

Во второй половине дня на центральной городской площади им. Куйбышева собрался многотысячный митинг. Туда организовано прибыли представители предприятий и организаций города, в том числе и нашего завода, числом более тысячи человек. Разместились колоннами, в отведенных местах. Но пришла и масса, так сказать, неорганизованного народа — жителей города. Толпа росла и ширилась. Многие любопытные, пытаясь пройти ближе к трибуне, уплотняли и уплотняли людей. Митинг ещё не начался, а более чем 100-тысячная масса раскачивалась, гудела, слышались возмущенные возгласы и требовательные крики. Кто-то лез вперед, а кто-то стремился вырваться из толпы. Навести порядок на площади не смогли ни организаторы митинга, ни милиция и привлеченные военные.

Гул и крики усилились, когда на трибуну у Дворца культуры поднялся Н. С. Хрущев и другие руководители. Постояв пару минут и видя, что устроители не в состоянии навести порядок, Н. С. Хрущев сам подошел к микрофону. Стал увещевать, затем, возмущаясь, бросать в толпу резкие, грубые слова, что ещё более накаляло обстановку. Посыпались оскорбительные выкрики в его адрес. Тогда Хрущев, используя мощь микрофона, начал выступление словами: «Дела у нас в стране идут хорошо!» В ответ шум возмущения, свист! Он вновь пытается повторить эту фразу — реакция аналогичная. Хрущев кричит: «Хулиганы! Вы кому затыкаете рот!? Где же милиция!?» Но справиться с возмущенной толпой уже невозможно. Напор людей нарастает, смяв милицейское ограждение, они устремляются к трибуне, обтекая её с обеих сторон, что уже опасно. Поняв это, гости и руководители области скорым шагом, почти бегом покидают трибуну, устремляясь к Дворцу культуры, через него к стоящим во дворе машинам и к причалам речного порта. Откуда на теплоход «Добрыня Никитич», и отправились вверх по Волге к Жигулям. Митинг был

сорван. Люди на площади возмущены и долго не расходились, обсуждая детали случившегося.

Позже секретарь обкома партии А. М. Токарев рассказывал, что происходило дальше. Как только поднялись на теплоход, Н. С. Хрущев и другие московские гости разошлись по каютам. М. Т. Ефремов и все члены бюро обкома остались на палубе. Настроение прескверное, ожидали от Хрущева разноса за случившееся. Минут через десять он вышел из каюты на палубу босиком (был очень жаркий день) и, как ни в чем не бывало, спросил: «А не пора ли перекусить? Отварной бы картошечки со сметанкой, а!» Мы, — говорил Александр Максимович, — вздохнули с облегчением.

На следующий день вся группа с нашего заводского аэродрома улетала в Москву. С утра Н. С. Хрущев посетил с М. А. Суловым и Д. С. Полянским строящийся металлургический завод Минавиапрома. А побывавшие уже там Л. И. Брежнев, А. Б. Аристов и И. И. Кузьмин приехали к нам, чтобы посмотреть самолет ТУ-114. Мы показали им самолет, находившийся на ЛИСе. Поднялись по трапу в салон, осмотрели кабину экипажа. Брежнев внимательно слушал объяснения, интересовался ходом испытаний. Мы говорили о трудностях в отработке бортовых систем. Он обронил, что если будут проблемы, то заходите в ЦК — поможем. (Кстати, в конце года мы использовали такую возможность, и не без успеха.)

Вскоре подъехал Н. С. Хрущев и остальные товарищи. Народу заводского набегало много, Хрущев не подошел к ним, попрощался с руководством области и вся группа улетела на спецсамолете в Москву. Так завершилась эта поездка.

Думаю, следует высказать мое тогдашнее видение ситуации в заводской среде, связанное не только с решением июньского (1957 г.) Пленума ЦК, но и с самой личностью Н. С. Хрущева.

Скорые, не всегда понятные, да и не очень продуманные, как потом стало ясно, меры и новации Н. С. Хрущева воспринимались с сомнением, с настороженностью. Сказывался и определенный консерватизм, сложившийся годами стереотип мышления, но и не только это. Люди прислушивались и к голосу специалистов, возражавших против навала фронтальных преобразований Никиты Сергеевича. В итоге, в народе, наряду с сомнением в реальности «манны небесной», столь легко обещанной лидером, формировалась защитная реакция от ломки годами установленных традиций. Это, в частности, проявилось на митингах и собраниях, посвященных итогам июньского (1957 г.) Пленума ЦК не только на нашем заводе, и не только в Куйбышеве. Н. С. Хрущев, видимо, поторопился, решив «одним махом» разделаться с «антипартийной группой» и получить открытую, всенародную поддержку

этим своим действиям. Натолкнувшись на неприятие, он изменил тактику, повсеместно началось более спокойное и доказательное обсуждение итогов Пленума. Второе. Стало очевидно, что реализовать скоро щедрые обещания благодатной жизни не удалось. Неудовлетворенность жизненными условиями, спустя уже 5 лет после смерти Сталина, выплеснулась на улицы, тому свидетельство митинг на центральной площади г. Куйбышева в августе 1958 года. Поэтому и его лозунг — «Дела у нас идут хорошо!» тонул в криках и свисте собравшихся на площади людей. Плюс ко всему, не добавил Н. С. Хрущеву авторитета и факт смещения с поста министра обороны страны Г. К. Жукова, истинно народного любимца, выдающегося полководца Великой Отечественной войны.

Взбаламутило людей и экономику страны принятое по инициативе Н. С. Хрущева решение о радикальном изменении принципов управления промышленностью и строительством, — образование совнархозов. Неоправданные реорганизации и ломка структуры партийных и советских органов, грубые, непрофессиональные, волевые решения в области сельского хозяйства, когда напрочь отбрасывались мнения специалистов, ученых в растениеводстве и животноводстве, силовое обобществление скота, линия на фактическую его ликвидацию в личном подворье населения и многие другие меры волюнтаристского характера не вызывали доверия народа к власти, а тем самым и к партии.

Справедливости ради, следует сказать, что в то же время людям импонировали многие личные качества Н. С. Хрущева. Его неумная энергия, открытость и доступность, стремление самому побывать на предприятиях и в хозяйствах, поговорить запросто с людьми в разных уголках страны. Нравилась, на первых порах, простая, понятная, образная, с народным присловьем и поговорками, речь. Да и весь его облик человека из народа, этакого «украинского батьки». Так что облик, слова и дела Н. С. Хрущева были контрастными и воспринимались массой людей по-разному.

Важными мерами по улучшению положения в сельском хозяйстве страны, предложенные Н. С. Хрущевым и принятые сентябрьским (1953 г.) Пленумом ЦК, были: повышение заготовительных и закупочных цен на важнейшие продукты сельского хозяйства и снижение обязательных поставок хозяйствами и колхозниками зерна, мяса, молока и других сельхозпродуктов.

В первые годы на посту 1-го секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущев выдвинул идею освоения целинных земель и с большой настойчивостью смог реально направить партийные органы, привлечь молодежь к осуществлению этой идеи и действительно получить положительные результаты.

Есть и еще одно крупное, значимое для населения страны дело, получившее в целом одобрение в обществе, — массовое жилищное строительство квартир, названных в народе «хрущевками».

Экономические меры по подъему сельского хозяйства, освоение целины и массовое жилищное строительство, осуществляемые по инициативе Н. С. Хрущева и под его руководством, способствовали росту его авторитета. Пожалуй, они, больше других его действий, сохранили о нем добрую память в народе.

Но часто его важнейшие планы и мысли начинали осуществляться не глубоко и всесторонне обоснованно, а проводились поспешно, не учитывая все возможности страны.

Вспоминается декабрь 1963-го года, Пленум ЦК КПСС. Он был посвящен развитию химической промышленности в СССР. Тогда в докладе Н. С. Хрущева прозвучал обновленный им известный лозунг: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны, плюс химизация народного хозяйства». Пленум проходил в Кремлевском Дворце съездов. Никита Сергеевич любил большие сборы. Голосовали за принимаемые решения всем скопом, пять тысяч человек. Среди участников Пленума были и представители Куйбышева: Шмарев, Черныш, Островский, Семизоров, Ветлицкий и я, впервые принимавший участие на таком всесоюзном партийном форуме.

Доклад был обстоятельный, с множеством цифр, примеров, подтверждавших правильность выдвинутой ЦК задачи. Начались выступления. Н. С. Хрущев вел себя раскованно, часто перебивал ораторов репликами, а то, увлекаясь, произносил целую речь. Это сбивало ораторов с толку. Мне запомнился такой эпизод. Когда он таким же образом перебил вопросом речь К. Т. Мазурова, то Кирилл Трофимович помолчал, потом, полуобернувшись к президиуму, произнес: «Дайте мне сказать, что я хочу. А на Ваш вопрос я отвечу». И в конце выступления ответил. Обличительную, рассчитанную на эффект речь произнес комсомольский лидер Сергей Павлов, чем очень потрафил Хрущеву, но вызвал возмущение зала бесцеремонными, грубыми передержками.

(В дополнение к повестке обсуждался и внешнеполитический вопрос, затронутый в докладе Н. С. Хрущева. Среди выступавших был и Ю. В. Андропов — тогда секретарь ЦК по работе с партиями соцстран.)

Решения Пленума ввергали страну в очередную гонку, на этот раз — химическую. Избрали нового секретаря ЦК, курирующего эту отрасль, П. Н. Демичева. Развитие химии было необходимо, но надо было и соизмерить возможности, дабы не нанести ущерб

ба другим отраслям. Принято же было волевое решение, потому и воинственного запала хватило ненадолго.

Начался 1964 год. Засуха 1963-го года серьёзно сказалась на снабжении населения продовольствием. В целом по стране валовой сбор зерновых составил 107,6 млн тонн, в том числе в РСФСР — 65,8 млн тонн. А средняя урожайность — 8,3 центнера с гектара. Это почти в полтора раза ниже достигнутого среднегодового уровня. Было принято решение, в целях экономии зерна выпекать хлеб с уменьшенным содержанием муки, заменив её частично горохом и картофелем. Так на прилавках появился единственный сорт хлеба — «Забайкальский», что было воспринято населением негативно. В продаже исчезли печенье, пряники, другие кондитерские изделия. Но ещё сильнее неурожай сказался на обеспечении кормами скота и птицы. Во многих регионах страны сократилось их поголовье, снизилась базовая жирность молока с 3,2 до 2,5%. Выросшие закупки по импорту не могли компенсировать сокращение производства этой продукции.

Недовольство населения, естественно, было обращено не только в адрес местных руководителей, но и Центра, и особенно резко критиковали Н. С. Хрущева, вспомнили все его широкие обещания об улучшении жизни, волюнтаристские новации в области сельского хозяйства и реальные, плачевные результаты таких действий.

Подлил масла в огонь и наскоро сбитый пропагандистский фильм к семидесятилетию вождя — «Наш Никита Сергеевич»⁶, который вызвал возмущение большинства народа своей подхалимской сутью. Негативно встретили люди и шумное, помпезное празднество в Георгиевском зале Кремля в честь семидесятилетия Н. С. Хрущева, которое проходило в апреле 1964 года и было широко растиражировано СМИ.

Таким образом, обстановка вокруг личности Н. С. Хрущева осложнялась. В октябре 1964 г. состоялся Пленум ЦК КПСС — важный исторический рубеж в жизни партии и страны. Об этом Пленуме и предшествующих ему заседаниях Президиума ЦК КПСС следует рассказать подробнее. Именно тогда, в октябре 1964 г., Н. С. Хрущев был освобожден от всех занимаемых им постов и отправлен на пенсию.

Однако после кончины Н. С. Хрущева у определенной части людей возникли сомнения и иные оценки.

Вокруг этих событий, особенно в последние годы, стали нарастать всякие домыслы, слухи и версии. В большей степени, в укор действиям сподвижников Никиты Сергеевича говорят о «заговоре», «дворцовом перевороте» и т. п. На эту тему снят

типично детективный фильм «Серые волки»⁷ с примитивными «художественными» придумками и полуправдой.

Со своей стороны, считаю возможным высказаться по этому поводу.

Позволю себе воспользоваться и материалами книги «Дорогами борьбы и труда» Л. Н. Ефремова, моего земляка и хорошего товарища. Он был в то время кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Бюро ЦК по сельскому хозяйству РСФСР (иначе, Н. С. Хрущева). А также его рассказами о заседании Президиума ЦК накануне Пленума.

Заседание Президиума ЦК КПСС с участием приехавшего по вызову отдохавшего в Пицунде Н. С. Хрущева вместе с А. И. Микояном началось во второй половине дня 13 октября 1964 г. Вопрос о Н. С. Хрущеве был поставлен на заседании Президиума накануне, 12 октября, при обсуждении других вопросов повестки дня.

Открыл заседание Президиума ЦК Н. С. Хрущев.

Первым взял слово Л. И. Брежнев. Обращаясь к Н. С. Хрущеву, он сказал, что вчера на Президиуме ЦК обсуждали программу встречи космонавтов, рассматривали и другие вопросы.

Помимо повестки, у членов Президиума возникли возражения, в частности, по поводу вашего предложения о пересмотре семилетнего плана и принятии десятилетки. Встал вопрос и о проведенном под Вашим нажимом разделении обкомов партии на промышленные и сельскохозяйственные, что противоречит ленинским указаниям о сохранении единства. Товарищи говорили и о том, что Вы проводите много неоправданных структурных изменений в сельском хозяйстве и в промышленности, причем подчеркивали, что при решении этих и других важных вопросов у нас в Президиуме нет коллективного, глубокого анализа.

В последнее время в общении с членами Президиума и другими ответственными работниками Вы допускаете грубость, приклеивание им ярлыков. Часто важнейшие вопросы Вы решаете за обедом, проявляете капризность, нежелание прислушаться к мнению товарищей из руководства. Замечено, что Вы нередко находитесь в состоянии депрессии. От всего этого остается угнетающее впечатление.

Члены Президиума посчитали необходимым с Вашим участием обсудить эти вопросы и положение, которое сложилось в Президиуме. Нам непонятны Ваши шаги, Ваше поведение. Готовится Пленум ЦК, Вы уехали с группой товарищей на юг, пишете доклад, готовите материалы и предложения к Пленуму. Но мы, члены Президиума, ничего не знаем об этих предложениях и документах.

Вообще, ненормально, что Вы действуете в одиночку, и это уже не в первый раз. Вы игнорируете членов Президиума ЦК КПСС, поэтому мы решили пригласить Вас и А. И. Микояна приехать с юга для обсуждения возникших вопросов.

После короткой речи Л. И. Брежнев заговорил Н. С. Хрущев.

Он сказал, что был обеспокоен вызовом в Москву, но приехал как человек дисциплинированный. Что услышал сейчас, к сожалению, я не знал и не ожидал. Никто не может упрекнуть меня в неискренности и нечестности. Когда мы боролись с антипартийной группой, тогда в ней я видел врагов, а теперь передо мной друзья. Не могу понять, для чего такая спешка? Чем это вызвано?

Работа у нас идет нормально. Я готовлюсь к Пленуму ЦК. У меня отпуск, и я отдыхаю на юге. Зачем потребовались такие действия? Для чего!? (Хрущев, верный своей тактике, пошел в наступление).

Но из-за стола Президиума последовали возгласы: «Вы не спешите со своей речью, подождите. Послушайте нас, что мы скажем». Хрущев согласился, — пожалуйста, говорите.

Члены Президиума стали высказываться.

Основные критические замечания сводились к следующему.

П. Е. Шелест — член Президиума, первый секретарь ЦК КП Украины.

«Мы Вас уважали, многому учились у Вас, но сейчас Вы стали другим, допускаете субъективизм и нарушение экономических законов развития хозяйства. Пленумы ЦК стали какими-то массовыми собраниями партийного и беспартийного актива. На таких Пленумах невозможно было ничего сказать прямо. В сельском хозяйстве проводится много реорганизаций. Народ говорит: это невозможно — за 10 лет все время идут реорганизации. Создается неуверенность в работе кадров. В нарушение Устава КПСС Вы возложили ответственность за сельское хозяйство на первых секретарей обкомов, отодвинув от этого советские органы. В Ваших действиях много непоследовательности и непродуманности (это касается снижения налогов, обеспечения жильем за 5 лет, повышения зарплаты к декабрю 1965 г.). А наша экономика не может обеспечить этого, она, к сожалению, не блещет». П. Шелест отметил грубость, невыдержанность Хрущева, неуважение к мнению других членов Президиума, сказал, что действия Хрущева наносят вред партии в проведении внутренней и внешней политики.

Г. И. Воронов — член Президиума, председатель Совмина РСФСР.

«В Президиуме ЦК создалась ненормальная обстановка. Просто нельзя работать! Вместо культа личности Сталина вырастает культ Хрущева. Вы вносите много путаницы в сельское хозяйство.

Даете примитивные рекомендации, которые каждый мужик знает. В своем невразумительном выступлении на совещании по промышленности Вы внесли неразбериху. Считаю, что надо отправить Н. С. Хрущева в отставку».

А. Н. Шелепин — член Президиума, секретарь ЦК, зампред. СМ СССР, председатель комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и СМ СССР.

«Обстановка в Президиуме ЦК сложилась нетерпимая. Неотложная задача — восстановить ленинские принципы в руководстве. Вы заражены непомерным самомнением, проявляете торопливость, капризность, способность к интригам. Критиковали Сталина, а сами недостойно относитесь к людям. Вы окружили себя группой подхалимов. Ваш приближенный, секретарь ЦК Поляков, играет гнусную роль, проверяет действия членов Президиума ЦК. Считаю невозможным оставление товарища Хрущева на посту руководителя партии и правительства».

А. П. Кириленко — член Президиума, секретарь ЦК.

«У Хрущева мы всегда учились, брали с него пример, а теперь он стал другим, к нему невозможно попасть на прием, посоветоваться о работе. Он допускает неправильное поведение в отношении кадров, позволяет себе грубые выражения». И закончил словами: «Вы поймите, что мы честно работаем!»

К. Т. Мазуров — кандидат в члены Президиума ЦК, первый секретарь ЦК КП Белоруссии.

«Не только в Президиуме, но и вообще в партии, в парторганизациях, наблюдаются явления, против которых мы боролись, а именно — вырастет новый культ личности. Хрущев проявляет "волюнтаризм" в ущерб экономическим законам развития. Это плодит очковтирательство. Товарищ Хрущев, проводя зональные совещания, противопоставляет руководителей народу. Боюсь, что Ваш культ дал повод для разлада в международном коммунистическом движении». Мазуров поддержал предложения, что Н. С. Хрущева нельзя оставлять на посту первого секретаря ЦК КПСС и предсовмина СССР.

Л. Н. Ефремов — кандидат в члены Президиума ЦК, 1-й заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по сельскому хозяйству РСФСР.

«Согласен с мнениями, высказанными товарищами относительно недостатков и ошибок Хрущева. Непрерывные реорганизации в сельском хозяйстве необоснованны. Здесь его подводят советники. Нельзя важные вопросы внешней политики обсуждать без должного плана, принимать решения по "шифровкам", за обедом, без обсуждения. Грубой ошибкой явился выпуск кинокартины

”Наш Никита Сергеевич”. Трудно объяснять людям, зачем потребовалась картина, возвеличивающая Хрущева. Нужно навести порядок в Президиуме ЦК, решить вопрос о смене руководства».

В. П. Мжаванадзе — кандидат в члены Президиума ЦК, первый секретарь ЦК КП Грузии.

«Многих товарищей в Президиуме Н. С. Хрущев незаслуженно ошельмовал. Если не будет единства, партия не сможет успешно руководить страной».

М. А. Суслов — член Президиума, секретарь ЦК КПСС.

«Хочу присоединиться к подавляющему большинству критических замечаний в адрес Н. С. Хрущева. Как видно, обстановка у нас очень ненормальная. Ведь Президиум ЦК — это штаб партии, государства и если внутри него что-то не срабатывает, то это отражается на общем положении. Многие предложения членов Президиума Вами отклоняются, причем необоснованно (Суслов приводит ряд фактов). Разве это допустимо, что к Первому секретарю ЦК невозможно придти с предложениями, чтобы он их выслушал. Приходилось все отстаивать через Ваш аппарат. Вы допустили грубую ошибку, выступив на июльском Пленуме ЦК с нападками на ученых, на Академию наук⁸. Вы также ошельмовали сельские партийные комитеты, утверждая, что они якобы мешают развитию сельского хозяйства. Между тем в сельском хозяйстве Вы все запутали. Создается неуверенность в работе парторганизаций. Вы — талантливый человек, но допускаете ошибки. Очень большое внимание уделяете сигналам своей семьи, в частности, А. Аджубея. Возите за границу многих членов семьи. Ваши поездки ссорят нас с зарубежными друзьями. В печати много публикаций о Хрущеве, много фото. Надо с этим покончить. Следует резко повысить роль Президиума ЦК, роль Пленума ЦК».

В выступлениях кандидатов в члены Президиума: первого секретаря МГК В. В. Гришина и первого секретаря КП Узбекистана Ш. Рашидова также говорилось о крупных недостатках и ошибках Хрущева, о его грубости, о развитии его культа личности, об отсутствии коллективности в работе. При этом отдавали должное его заслугам, как своему учителю и другу. Они предложили рассмотреть вопрос о разделении постов первого секретаря ЦК КПСС и председателя СМ СССР.

Поздно вечером объявили перерыв заседания до утра.

14 октября в 10 часов утра заседание Президиума ЦК продолжилось.

Первым резко и грубо выступил член Президиума ЦК, заместитель председателя СМ СССР Д. С. Полянский с обвинениями в адрес Хрущева по аналогичным вопросам, высказанным товарищами накануне.

А. И. Микоян — член Президиума ЦК, председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Он остановился кратко на некоторых вопросах международной политики, и на конкретных примерах подтвердил правильность действий и решений, принятых Хрущевым.

Нынешний Президиум ЦК способен управлять страной. В то же время Микоян согласен с товарищами, указавшими на недостатки и ошибки в личном поведении и в некоторых действиях Н. С. Хрущева. Много подхалимажа по отношению к Хрущеву, — этим занимается и пресса.

А. И. Микоян считает, что Н. С. Хрущев должен остаться в руководстве партией. То, что сделано и делается товарищем Хрущевым, — это наше богатство. И не надо им разбрасываться. Можно ограничиться серьезным предупреждением о допущенных им ошибках и неправильных действиях.

А. Н. Косыгин — член Президиума, первый заместитель председателя Совета Министров СССР.

«Я не согласен с точкой зрения А. И. Микояна. Президиум ЦК характеризует единство и политическая зрелость. При решении вопроса о Н. С. Хрущеве полумерами ограничиться нельзя».

Обращаясь к Хрущеву, он сказал: «Вы — честный человек. Вы не допустили репрессий, но Вы противопоставили себя Президиуму ЦК. У Вас неограниченная власть. Вы ни с кем не считаетесь, никого не выслушаете до конца, обрываете. Ваше предложение о ротации кадров непродуманное, создает неуверенность у людей⁹. Ваш стиль работы не годится. Вы интриговали в Президиуме: одного решили "раздолбать", с другим — заигрывать. В подборе кадров Вы опираетесь на людей, которые Вас же подводят.

Вот мы построили прекрасную ГЭС в Куйбышевской области, на Волге. Вы поехали туда с Кузьминым и Засядько и начали на митинге критиковать ГЭС, обмазали грязью лучшую гидростанцию в мире. Потом, когда академики написали протест, пришлось Вам отступать от своих утверждений.

В последние годы Вы допустили крупные ошибки и в разделении партийных комитетов, и в проведении Пленумов ЦК. По существу, Вы ликвидировали Пленум как орган, который призван контролировать Президиум ЦК. Иногда наши Пленумы напоминают митинги.

Вы запутали огромной важности дело с народнохозяйственными планами, заявив, что нельзя выполнить семилетку, а надо разработать новый план на 10 лет. Это вызвало международный скандал, так как социалистические страны работают по согласованному с СССР планам.

Вы допускаете ошибку, что держите в своих руках все вопросы обороны. Члены Совета обороны к работе не привлекаются. Неправильно строите Вы взаимоотношения с друзьями из соцстран. Ваши крылатые фразы — "Был бы хлеб, а мыши найдутся" — оскорбительно воспринимаются в социалистических странах».

Закончил А. Н. Косыгин словами: «Вы, видимо, с нашими разговорами не согласитесь. Вас нужно освободить со всех постов, иначе логика культа личности приведет к печальному концу». И предложил: «Доложить обо всем на Пленуме ЦК КПСС, отменить намеченный Пленум по сельскому хозяйству и отозвать записку Хрущева, как неправильную. Надо разделить посты Первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР, ввести должность второго секретаря ЦК. Пленум надо провести сегодня. Поручить Л. И. Брежневу открыть Пленум. Просить М. А. Суслова сделать на Пленуме сообщение о настоящем заседании и решении Президиума ЦК КПСС».

Член Президиума, секретарь ЦК Н. В. Подгорный начал выступление с критики позиции А. И. Микояна. Однако затем повел речь о заслугах Н. С. Хрущева, сказал: «Я знал Хрущева давно и не только восхищался, но и любил его, стремился подражать. Н. С. Хрущев многому всех нас научил, его уважали и выполняли все его указания, которые он давал. Но тогда Хрущев был другим человеком. Сейчас не то, он сильно изменился. Вырос его культ. Создалось тяжелое положение и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Непрерывно проводятся громоздкие реорганизации. Он постоянно критикует Сталина, а сам все делает не по Сталину, не по Ленину, а по-хрущевски, "раздувая штаны", расплотив безответственность. Не лучше ли упразднить совнархозы, а в сельском хозяйстве организационно восстановить все как было.

О разделении обкомов КПСС на две группы — все единодушны, что это ошибка и ее надо незамедлительно исправлять. Когда это намечалось, А. И. Микоян говорил, что это глупость. Но как можно было поправить!»

Во внешнеполитической деятельности первый секретарь ЦК не принимает мер к сплочению стран, СЭВ разваливается.

(Стоит сказать, что при Хрущеве произошел фактически разрыв с Китаем, испортились отношения с Албанией, стали напряженными связи с Румынией, Польшей, произошли известные события в Венгрии, осложнились контакты с Итальянской и Французской компартиями и т. п.)

Смена Н. С. Хрущева вызовет какие-то издержки и в международном, и во внутреннем плане. Надо, чтобы Н. С. Хрущев сам обратился с просьбой об освобождении от занимаемых постов

по возрасту или по состоянию здоровья. Это смягчило бы потерю его престижа в личном плане, и он бы вырос в глазах членов ЦК и коммунистов. В то же время это облегчило бы и положение руководства при решении столь сложного вопроса».

В заключение выступил Л. И. Брежнев. Он подвел итоги обсуждения, и, обращаясь к Н. С. Хрущеву, сказал: «Я — не случайный человек. С Вами прошел фронт, вместе работал, боролся за Вас с антипартийной группой. Но в сделку со своей совестью я вступать не могу. Я отмежевываюсь от либерального мнения А. И. Микояна. Товарищ Хрущев не может оставаться в руководстве. Предлагаю освободить Хрущева от работы первого секретаря ЦК КПСС и председателя СМ СССР. Эти посты надо разделить».

Учитывая все обстоятельства, я думаю, что в интересах дела Н. С. Хрущев, может быть, попросит лично Пленум ЦК освободить его. Важный шаг Вам предстоит, и Вы, товарищ Хрущев, должны его сделать».

Слово было предоставлено Н. С. Хрущеву. Основным смысл его речи: «Выражаю благодарность за оценку моих положительных качеств. Вашу честность, Вашу прямоту очень ценю. Хочу извиниться за грубость в отношении Полянского, Воронова и других. О себе скажу, что мою роль преувеличили и в ЦК, и в партии. Сделали из меня в известной мере икону. Я не могу бороться с вами. Хочу укрепиться духом. Вы уже все решили. Я старался все делать так, чтобы было лучше партии, лучше народу. По многим принципиальным вопросам, о которых здесь шла речь, мы вместе принимали решения. Почему же сейчас вы всю ответственность перекладываете только на меня одного. Считаю это несправедливым. Но, если Вы считаете, что я должен уйти, пожалуйста, я подчиняюсь вашему требованию... Напишите, как вы считаете нужным, решение. Я подпишусь под этим решением...»

Было принято решение, что на Пленуме ЦК от имени Президиума выступит М. А. Суслов.

Через 1,5–2 часа в Свердловском зале Кремля открылся Пленум ЦК.

М. А. Суслов не делал какого-либо доклада. Он сказал, что на заседании Президиума ЦК рассмотрен вопрос о работе Н. С. Хрущева и его ошибках. Выработано постановление, которое единогласно приняли все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК и секретари ЦК.

Суслов зачитал развернутое постановление, в котором излагались ошибки и неправильные действия Хрущева, давалась оценка стилю и методам его работы. Основной причиной отставки Хрущева было заявлено — проявление субъективизма и волюнтаризма

в его деятельности, чем нанесен ущерб экономике и политическому престижу страны.

Во время сообщения Суслова в зале возникали выкрики, реплики с мест, гул неодобрения действиями Хрущева, о которых говорил Михаил Андреевич, что свидетельствовало об отрицательном отношении членов ЦК КПСС к Н. С. Хрущеву. Прения по выступлению М. А. Суслова на Пленуме не открывались. Ничего не сказал и Хрущев, который сидел за столом Президиума и выслушал все, что о нем говорилось в постановлении Президиума ЦК КПСС. Постановление единодушно одобрили.

Пленум освободил Н. С. Хрущева от обязанностей 1-го секретаря ЦК КПСС и члена Президиума ЦК КПСС. Первым секретарем ЦК КПСС был избран Л. И. Брежнев.

Одновременно Президиум Верховного Совета СССР освободил Н. С. Хрущева от обязанностей председателя Совета Министров СССР и назначил вместо него А. Н. Косыгина.

Так закончился период, который называли «славным десятилетием», когда партией и государством руководил Н. С. Хрущев.

В газетах было опубликовано короткое постановление Пленума ЦК КПСС, в котором отмечалось, что Н. С. Хрущев освобождается от занимаемых им постов в партии и правительстве в связи с преклонным возрастом и по состоянию здоровья. (В официальных материалах впоследствии говорилось, что «Октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу Н. С. Хрущева об освобождении его от обязанностей»).

Хочу повторить, что в народе известие об освобождении Н. С. Хрущева от занимаемых постов было воспринято спокойно. А среди партийного актива — с удовлетворением, очень уж досадили всем хрущевские «новации» и его беспардонное поведение, что не к лицу главе государства.

Н. С. Хрущев был отправлен на пенсию. В 1971 г. он умер и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

